

В. А. Зверев

**ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ СИБИРЯКОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.
(ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)**

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Продолжительность жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в. (историография проблемы) / В. А. Зверев // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири : Науч. чтения, посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф. Н. Я. Гущина / отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : Ин-т ист. СО РАН, 1997. – С. 94–102.

Историки Сибири добились немалых успехов в исследовании социально-демографической ситуации, существовавшей в регионе в новую и новейшую эпоху. Одним из видных инициаторов и организаторов такого изучения до недавнего времени являлся Н. Я. Гущин. В программе дальнейшей работы – решение ряда методологически трудных, плохо обеспеченных источниками проблем. Среди тех из них, что относятся к периоду 1861–1917 гг., – выяснение показателей, исторической обусловленности и социокультурного значения продолжительности жизни всего населения Сибири, а также его различных социальных, этнических и территориальных групп. В демографии, в том числе исторической, продолжительность жизни – одна из важнейших обобщенных характеристик процесса воспроизводства народонаселения. В социально-историческом контексте она может служить важным индикатором уровня и характера развития народной медицинской и гигиенической культуры, системы здравоохранения и санитарного просвещения, демографических представлений и витального поведения людей, состояния генетических, природно-климатических, социально-экономических, политических, ментальных условий их жизни в регионе.

В исследовательской литературе досоветского периода и 1920-х гг. сложилось несколько подходов к определению количественных показателей

продолжительности жизни сибиряков. Разные подходы давали часто очень отличные друг от друга, а то и взаимоисключающие результаты. Дискуссионным с самого начала стал ключевой вопрос о соотношении средней продолжительности жизни населения Сибири и Европейской России, страны в целом. Дадим краткую характеристику этих подходов.

Оценочный подход опирается в основном на бытовые многолетние наблюдения исследователя, либо на хорошее знание им общей демографической ситуации в Сибири изучаемой эпохи.

В литературе наиболее яркое отражение этого подхода – наблюдения и выводы И. И. Завалишина. Этот автор в 1860-е гг. констатировал, что «сибиряки народ рослый, коренастый, полный, правильно сложенный и крепкий», и оценил «среднее долголетие» жителей Тобольской губернии в 50 лет, Томской – приблизительно в 55 лет /1/. По его наблюдениям, «Сибирь – край сытый, тепло обутый и одетый, удобно обустроенный; сибиряки имеют много сходства с североамериканцами ... и в сумме здоровье народное неизмеримо удовлетворительнее здесь, нежели в России (Европейской. – В. З.)» /2/. Завалишин, по всей видимости, в данном случае пытался оценить модальную продолжительность жизни взрослых сибиряков, т. е. наиболее вероятный возраст смерти для тех представителей конкретного поколения, которые избежали смерти в детстве – до 10 лет. Этот показатель заведомо не учитывает младенческую и детскую смертность, очень высокую в изучаемую эпоху. По официальным статистическим данным, даже в начале XX в. доля детей до 10 лет достигала 3/4 всех умиравших сибиряков, а в среде недавних переселенцев бывала и выше этого уровня /3/.

Уже современники И. И. Завалишина отмечали крайний субъективизм многих умозаключений в его «Описании Западной Сибири» и призывали не доверять им. Мы считаем, что ссыльный декабрист явно идеализировал те аспекты внешних условий жизни и культуры сибиряков, что определяли состояние их здоровья, уровень смертности, качество и длительность жизни. Но сам по себе оценочный подход к определению продолжительности жизни

в Сибири 1861–1917 гг. в модернизированном варианте – в виде метода экспертных оценок – вполне может быть применен и сейчас. Полезно было бы сравнить количественные оценки, высказанные возможно более широким кругом компетентных специалистов по исторической демографии России. Может быть высказано мнение не только о модальной продолжительности жизни, но и об иных ее характеристиках: длительности предстоящей жизни для новорожденных либо лиц определенного возраста, отсроченной средней, медианной продолжительности предстоящей жизни и др. /4/.

Второй подход, опирающийся на *статистический анализ данных метрических книг* о возрасте умерших, использовался обычно врачами и этнографами-краеведами при характеристике ситуации в конкретной местности. Чаще всего определялся средний возраст всех лиц, умерших здесь за определенный период времени.

Доктор А. К. Белявский высчитал такой показатель для населения станицы, а затем города Стретенска Забайкальской области с его окрестностями за очень длительный период 1840–1920 гг. Искомая цифра оказалась равной 18,5 лет /5/. Ю. Д. Талько-Трынцевич сделал расчет для 10 городских и сельских поселений Троицкосавского, Селенгинского и Верхнеудинского округов Забайкалья 1869–1891 гг. и получилось 24 года, в том числе у мужчин – 25, у женщин – 23 года /6/. Средний возраст умерших жителей Верхленского округа Иркутской губернии за 1860–1863 гг. по метрическим книгам установил доктор Ф. Ф. Шперк: 13 лет /7/. Его коллега Е. Н. Анучин изучал смертность в г. Тобольске и пригородных деревнях за 1862 г. и выяснил, что русские крестьяне здесь умирали в среднем в 17 лет, казаки и члены семей чиновников – в 20, мещане – в 23,5, татарское население – в 23 года. Если не принимать в расчет детскую и юношескую смертность, то по данным о возрасте умерших получается: достигшие 20 лет русские крестьяне и казаки могли рассчитывать в среднем еще на 35,4 и 33,1 года жизни соответственно; дожившие до 40 лет – на 23,8 и 24,1 года; до 60 – на 15,1 и 15,7; до 80 – на 8,6 и 7,5 лет /8/. Учитель-краевед Ф. К. Зобнин ввел в подсчет

данные о слободе Усть-Ницинской Тюменского округа Тобольской губернии за 1873–1884 гг. Позже он объяснял: «Сложив возрастные года, прожитые всеми умершими за избранный период времени, и разделив эту сумму на число умерших, получим среднюю цифру 19 лет» /9/. Аналогичным образом войсковой врач В. П. Гедройц-Юраго высчитал продолжительность жизни казаков в Петропавловском уезде Акмолинской области в 1878–1887 гг. – 16 лет, в том числе у мужчин – 15, женщин – 17 /10/. Рассказ о такого рода подсчетах, проведенных в досоветский период, можно было бы продолжить. Уже в советское время медицинские статистики подсчитали средний возраст всех умерших в 1926 г. жителей Сибирского края – 18 лет /11/. Очень малая величина всех приведенных здесь показателей объясняется огромным числом лиц, умерших в младенческом и детском возрастах.

В рамках вышеназванного подхода делались попытки сравнения территориально-локальных индексов с данными по Европейской России и зарубежным странам. Выводы в одних случаях были благоприятными для сибирских местностей (Забайкалье), в других – крайне неблагоприятными (Акмолинская область). Однако коренной порок указанного метода – именно слабая сравнимость вычисляемого показателя в различных местностях и в разные периоды. Дело в том, что средний возраст умерших в конкретном населении зависит от возрастной структуры последнего (а она отличается в разных местах, меняется во времени), а также от масштабов миграции (в одном месте умирают люди, родившиеся в разных районах). В современной демографии показатель среднего возраста умерших очень редко используется при анализе воспроизводства населения.

Третий подход опирается на *массовые статистические данные о возрастном составе* жившего в конкретный момент второй половины XIX – начала XX вв. населения Сибири. Поскольку при некотором выборе территориальных границ получается, что в населении региона была повышенной доля лиц старших возрастов, делались выводы об относительно высокой продолжительности жизни сибиряков. Так, известный историк и экономист

П. И. Лященко в 1920–1930-х гг. использовал материалы Всероссийской переписи населения 1897 г. Объединив Сибирь с Дальним Востоком, но исключив Степной край, он пришел к заключению, что «по продолжительности жизни Сибирь стоит на первом месте среди других районов России, давая по числу лиц, достигших возраста 60–69 лет, 4,7 % против 4,3 % во всей стране, возраста свыше 70 лет – 3,1 против 2,6 %» /12/.

Оценивая эти выводы, следует учесть, что средняя продолжительность жизни населения даже при повышенном удельном весе в нем старших возрастов в конкретный момент вовсе не обязательно больше, чем в других местностях: нельзя игнорировать те же миграции населения, разницу смертности в младших возрастах. Кроме того, по нашим подсчетам, относящимся к сельской местности, на рубеже веков на территории собственно Сибири (без Дальнего Востока, но с учетом Акмолинской области) доля стариков в населении была меньшей, чем в Европейской России /13/. В начале XX в. в ходе усиленного притока волны переселенцев с ее молодым составом население Сибири еще более «молодело».

Имеется и четвертый подход, при котором на основе данных демографической статистики *строятся так называемые таблицы смертности* (упорядоченные ряды взаимосвязанных величин, показывающих уменьшение с возрастом вследствие смерти некоторой совокупности родившихся) и потом в их рамках вычисляется средняя ожидаемая продолжительность жизни для новорожденных. Эта методика наиболее приемлема с точки зрения современных научных требований.

Можно предполагать, что именно с позиции такого подхода составители «Отчета Медицинского департамента Министерства внутренних дел» за 1881 г. определили: «Средняя продолжительность жизни в Европейской России составила 26 лет, в Азиатской – 31 год» /14/. Историко-демограф А. Г. Рашин дает сходные цифры: «В 1896–1897 гг. средняя продолжительность жизни составляла в Европейской России 29,3 года у мужчин, 31,6 лет у женщин. В среднем по империи – 31,4 и 33,4» /15/. Такие цифры возможны

только в том случае, если бы продолжительность жизни населения Азиатской России и, в частности, Сибири была наивысшей по стране, на несколько лет выше, чем в Европейской России. Однако ни в отчете медицинских статистиков за 1881 г., ни в книге А. Г. Рашина не содержится аргументации приведенных цифр: не анализируются источники, не объясняются методы подсчета показателей.

Между тем в новейших авторитетных демографических справочниках фигурируют иные цифры. Средняя продолжительность жизни при рождении в 1896–1897 гг. в 50 губерниях Европейской России равнялась 32,34 года (мужчины – 31,43, женщины – 33,36) /16/. Что же касается сибиряков, то сейчас общепризнанно: не существует источников, которые позволили бы построить подлинно научные таблицы смертности для всего региона, по крайней мере, до 1926–1927 гг. /17/. Нужны сведения не только о возрастной структуре живущего населения с годовым интервалом (их дала перепись 1897 г. по всем районам России), но и о годовом распределении возраста умерших хотя бы за полный год до переписи и год после нее, а таковых по Азиатской России не имеется. В принципе, таблицы смертности для отдельных местностей Сибири построить можно, но только с помощью методических ухищрений: соединив, например, данные о смертности в Тобольской и Енисейской губерниях за 1902 и 1903 гг. со сведениями 1897 г. о возрастной структуре населения по этим губерниям. Однако научная ценность полученных таким образом величин окажется проблематичной, их нельзя будет сравнивать с показателями по другим регионам страны, полученными по иной методике.

В условиях дефицита источниковедческих данных и, возможно, неглубокого знакомства со специальными демографическими методиками, некоторые авторы и в досоветский период, и позже применяли и *другие, заведомо неточные методы* определения продолжительности жизни сибиряков. Например, В. П. Гедройц-Юраго применил «способ Вайнеуса»: сложил средние числа жителей 3-го участка Сибирского казачьего войска, на кото-

рые в 1878–1887 гг. приходились один родившийся и один умерший, и поделил полученную сумму на 2. Получилась продолжительность жизни казаков, равная 20,4 года. Подсчитанный по той же методике показатель составлял в 70-е гг. XIX в. в Центральной России (Московский уезд) 19,2 года, в Австрии – 28,2, Пруссии – 31,1, Англии – 36,9, Бельгии – 38,4, во Франции – 40,4 года /18/.

Заслугой досоветской историографии является обстоятельная разработка вопроса об условиях и факторах смертности и продолжительности жизни сибиряков. Раскрывалась зависимость смертности от географического расположения местности, от социального положения умерших. Врачи и статистики вывели на первый план то, что было характерно для всей Российской империи: «... помимо высокой рождаемости крайне большая смертность детей на первом году жизни и весьма значительная смертность от острозаразных болезней» /19/. Высказывалась убежденность, что «при более благоприятном образе народа, а в особенности при лучшем устройстве жилищ, проведении в массу населения понятий о необходимейших гигиенических условиях и более здравых понятий об уходе за новорожденными смертность могла бы сильно уменьшиться», а продолжительность жизни — вырасти /20/. В советской историографии, начиная с 1920-х гг., акцентировалась обусловленность низкой продолжительности жизни людей в России «всем дореволюционным буржуазно-крепостническим строем» /21/.

Обратимся теперь к более близкой к нам по времени литературе по исторической демографии, социальной истории, истории медицины и здравоохранения. Ее анализ показывает, что некоторые из авторов 1960–1970-х гг. (Г. Д. Бердышев, Н. П. Федотов и Г. И. Мендрина) просто воспроизводят и некритически используют выводы предшественников, имеющие, как мы показали выше, существенные методологические недостатки и ограниченное значение /22/. Другие, видимо, просто смирились с фактом отсутствия или несформированности добротной статистико-демографической базы для вычисления показателей продолжительности жизни в Сибири второй поло-

вины XIX — начала XX вв.

В одной из публикаций автора данной статьи делалась попытка разработки этого сюжета применительно к сибирскому крестьянству. При этом использовались обобщенные данные метрических книг по Томской губернии за 1870–1880 гг. и по Киренскому округу Иркутской губернии за 1873–1897 гг. (их собрали в свое время А. И. Ефимов и К. К. Кокоулин /23/). Удалось показать, что мобилизованные источники все же позволяют выявить наличие, во-первых, тенденции роста продолжительности жизни населения во второй половине XIX в.; во-вторых, существенных различий в показателях и динамике изменений длительности жизни у мужчин и женщин; в-третьих, высокого уровня преждевременной смертности взрослых крестьян, особенно женщин в детородном возрасте /24/.

В настоящей статье есть возможность представить более полные динамические (хронологические и возрастные) ряды показателей смертности жителей Киренского округа (см. таблицу). Анализ показателей, высчитанных нами и сведенных в таблицу, показывает, что со временем в изучаемой местности уменьшалась доля лиц, умерших в возрасте до года. В течение всех 25 лет больше всего умерших было в раннем детском возрасте. К 10 годам смертность сокращалась, достигая второго пика в 1873–1882 гг. в возрасте 30–40 лет, в 1883–1892 гг. – в 40–50 лет, в 1893–1897 гг. – в возрасте 60–70 лет. Иначе говоря, модальная продолжительность жизни заметно увеличилась за четверть века, хотя точного ее значения по имеющимся источникам и для Киренского округа выяснить невозможно.

Повозрастное распределение смертности жителей Киренского окр.

Иркутской губ. (вторая половина XIX в.), на 1000 умерших*

Годы	До 1 ме- сяца	1 мес. – 1 год	1–5 лет	5–10 лет	10– 20 лет	20– 30 лет	30– 40 лет	40– 50 лет	50– 60 лет	60– 70 лет	70– 80 лет	Бо- лее 80 лет
1873–1882	109	342	197	34	31	43	54	49	52	46	29	14
1883–1892	104	350	211	32	24	34	45	51	50	49	32	18
1893–1897	97	336	202	38	40	47	49	49	49	50	29	14

Итого в 1873–1897	104	344	204	34	30	41	49	51	50	48	30	15
В т. ч.:												
мужчины	115	363	195	32	26	33	41	50	49	47	32	17
женщины	93	323	212	36	35	49	58	51	52	50	27	14

* Подсчитано по источнику: *Кокоулин К. К.* Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ. // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества. 1903. Т. 34. № 2. С. 144–146. Полужирным курсивом выделен показатель в возрасте модальной смертности.

Дифференцировав данные по половому признаку, мы увидим, что ошутимое увеличение продолжительности жизни наблюдалось только у мужчин, у женщин же, как в начале, так и в конце 25-летнего периода больше всего умерших приходилось на возраст 30–40 лет. Характерна и такая закономерность: смертность детей до года и стариков старше 70 лет у лиц мужского пола была выше. В промежуточных же возрастных группах заметно доминировала смертность у женщин, причем сильнее всего – в возрасте 20–40 лет, где показатель смертности у них был выше, чем у мужчин, в полтора раза.

Итак, опыт работы показывает, что информационные возможности имеющихся статистических данных по Сибири 1861–1917 гг. при изучении продолжительности жизни еще не исчерпаны. По городскому населению многие историко-демографические источники еще даже не приведены в известность. Самое же главное заключается в том, что вполне можно изучать сюжеты, мало связанные, со статистикой. Актуальным с научной и практической точек зрения остается углубленное изучение факторов здоровья, заболеваемости и смертности. Весьма перспективным представляется исследование и таких проблем, которые ранее не формулировались учеными: а) жизнесохранительное поведение сибиряков и его социокультурное «обрамление», включая личностные и коллективные представления о нормальной длительности жизни, о смерти в различном возрасте, о здоровье и болезни; б) выражение этих представлений в истории развития материальной и духовной культуры, системы здравоохранения и просвещения в нашем крае.

Примечания

1. *Завалишин И. И.* Описание Западной Сибири. М., 1862. Т. 1. С. 20; 1865. Т. 2. С. 24.
2. Там же. Т. 1. С. 79.
3. Подсчитано по: *Статистика Российской империи.* СПб., 1907. Вып. 66. С. 262–275; 1909. Вып. 70. С. 262–275; 1911. Вып. 74. С. 262–275.
4. О средних характеристиках продолжительности жизни см.: *Демографический энциклопедический словарь.* М., 1985. С. 348–349; *Курс демографии.* М., 1985. С. 50–62.
5. *Белявский А. К.* Рождаемость, брачность и смертность г. Стретенска Забайкальской обл. с его окрестностями за время с 1840 по 1920 г. // Известия Общества врачей Южно-Уссурийского края. Владивосток, 1925. № 21. С. 662–672.
6. *Талько-Грынцевич Ю. Д.* Продолжительность жизни русского населения в Забайкалье, вычисленная на основе смертности в 11 приходах за 23 года (1869–1891). М., 1898. С. 16–17.
7. *Шперк Ф. Ф.* Верхоленский окр. Иркутской губ. // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 153.
8. *Анучин Е. Н.* Средняя жизнь и долговечность в г. Тобольске // Памятная книжка для Тобольской губ. на 1864 г. Тобольск, 1864. С. 321–334.
9. *Зобнин Ф. К.* Усть-Ницинская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. // Живая старина. 1898. № 2. С. 155.
10. *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска // Протоколы Омского медицинского общества. Омск, 1890. № 8. С. 179–180.
11. *Государственный архив Новосибирской обл.* Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 268. Л. 13.
12. *Лященко П. И.* Сибирь: экономическое развитие // Энциклопедический словарь «Товарищества братьев А. и И. Гранат и К⁰». 7-е изд., перераб. М., б. г. Т. 38. Стб. 468–517.
13. См.: *Зверев В.А.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск, 1991. С. 47–48.
14. *Отчет* Медицинского департамента МВД за 1881 г. СПб., 1884. С. 2 (2-я паг.).
15. *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956. С. 205.
16. *Демографический энциклопедический словарь.* С. 412.
17. По таблицам смертности за 1926–1927 гг. продолжительность жизни сибиряков не превышала 41,1 года, в европейской части СССР она составляла 44,4 года. См.: *Исупов В. А.* Продолжительность жизни населения Сибири (1926–1959 гг.) // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1988. Вып. 3. № 16. С. 9.

18. *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк... С. 179–180.
19. *Отчет* о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1903 г. СПб., 1905. С. 9.
20. *Шперк Ф. Ф.* Верхоленский окр. ... С. 156.
21. См., например: *Приходько П. Т.* Проблема переселения и медико-санитарное обслуживание переселенцев в Сибири в связи с историей здравоохранения в Сибири. Томск, 1931. С. 27–33.
22. *Бердышев Г. Д.* Проблема долголетия в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1963. С. 8–9; *Федотов Н. П., Мендрин Г. И.* Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 17.
23. См.: *Ефимов А. И.* Православное население Томской губ. по данным 1870–1880 гг. СПб., 1890; *Кокоулин К. К.* Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ. // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества. 1903. Т. 34. № 2. С. 137–148.
24. См.: *Зверев В. А.* Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1988. С. 37–38.